№ 130 Четвергъ 3-го ноября 1905 года Годъ изданія 66. № 130

МОГИЛЕВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Газета общественная и литературная.

Выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Подписка принимается въ Могилевѣ—въ губернской типографіи, въ магазинѣ общества потребителей, и въ книжныхъ магазинахъ Сыркина и Іоффе, писчебумажныхъ магазинахъ де-Поткина и І. Л. Шика, и въ парфюмерномъ магазинѣ Зандберга. Розничная продажа производится тамъ же. Въ Гомелѣ подписка и розничная продажа «Мог. Губ. Вѣд.» производится въ кн. магазинѣ Захарьина, въ Оршѣ въ кн. маг. Подземскаго и въ другихъ городахъ въ книжныхъ магазинахъ.

За частныя объявленія, помѣщаемыя въ «Губ. Вѣд.» назначена плата отъ строки петита въ столбцѣ: за 1 разъ 10 к., за 2 раза 16 к. и за 3 раза 20 коп., свыше-же 3 разъ по 5 к. за каждый разъ и каждую строку петита въ столбцѣ, а за объявленія передъ текстомъ плата удваивается.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: 1) На газету «Могилевскія Губернскія Вѣдомости» изданіе второе» цѣна 4 рубля въ годъ (для сельскихъ обществъ, начальныхъ сельскихъ училищъ и духовенства 3 руб.), на полгода 2 руб. (для сельскихъ обществъ, начальныхъ сельскихъ училищъ и духовенства 1 р. 50 к.) на три мѣсяца 1 р. 50 к.

2) На оффиціальное изданіе «Могилевскія Губернскія Вѣдомости» (1 разъ въ недѣлю) 3 рубля въ годъ.

3) На оба изданія вмѣстѣ 6 руб., на полгода 3 руб., на три мѣсяца 2 р.

По соглашенію Могилевскаго Губернатора съ Попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и Епархіальнымъ Преосвященнымъ, второе изданіе «Мог. Губ. Вѣд.» допущено къ обращенію въ народныхъ читальнахъ и библіотекахъ Могилевской губ.

СОДЕРЖАНІЕ.

БЮЛЛЕТЕНЬ
о состояніи здоровья г. Могилевскаго Губернатора.

3 ноября въ 12 ч. 30 м. дня.

Перевязка. Умѣренное отдѣленіе раны. Температура 36,8; пульсъ 84. Ночью тревожила икота.

Врачи: *Модестовъ, Долговъ, Прейсфрейндъ, Семковскій, Яковенко.*

Могилевъ, 3 ноября.

Печатаемое сегодня письмо въ редакцію отъ жителей Московскаго предмѣстья—христіанъ и евреевъ—наглядно доказываетъ, что въ Могилевѣ могутъ быть мало-по-малу уничтожены перегородки національной розни между русскими и евреями, что оба народа могутъ жить въ добромъ сосѣдствѣ, избѣгая главнымъ образомъ вражды и связанныхъ съ нею неблагопріятныхъ послѣдствій.

Не станемъ повторять общеизвѣстнаго факта, что всякая племенная рознь легче замѣтна между людьми непросвѣщенными, что коренное какъ русское такъ и еврейское населеніе Могилева мало образовано и нуждается въ училищахъ, библіотекахъ и вообще въ просвѣщеніи, чтобы яснѣе понять все зло междоусобныхъ распрей.

Но здравый смыслъ и искреннее доброе чувство любви къ ближнимъ помогли обывателямъ Московскаго предмѣстья найти единственный путь къ мирной и спокойной жизни - единеніе между собою и представители мѣстнаго общества рѣшили ежегодно праздновать этотъ день—27 октября—какъ день объединенія.

Пожелаемъ же, чтобы объединившіеся жители Московскаго предмѣстья послужили примѣромъ жителямъ города Могилева вообще, чтобы могилевцы наконецъ сознали, что каждый человѣкъ одинаково созданъ по образу и подобію Божьему и что грѣшно враждовать всѣмъ людямъ между собою.

И если бы всѣ русскіе и евреи, живущіе въ Могилевѣ, объединились между собою во взглядахъ на жизнь и особенно во взглядахъ на воспитаніе дѣтей, то уничтожилась бы рознь и взаимное непониманіе другъ друга.

Необходимо взаимное уваженіе и довѣріе къ другъ другу, необходимо именно теперь, когда всѣмъ народамъ Россіи открыты новые горизонты жизни, когда страна начинаетъ пробуждаться отъ вѣкового сна, проведеннаго въ необразованности и безправіи, когда новая разумная жизнь зоветъ всѣхъ къ объединенію и къ дружной работѣ на пользу общественную и личную...

ПЕТЕРБУРГЪ, 31 октября. Начальникъ Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ послалъ Московскому почтъ-директору слѣдующую телеграмму:

„Многіе чиновники почтово-телеграфнаго вѣдомства, не отдавая себѣ, повидимому, отчета о дѣйствительномъ значеніи проектированнаго собраніемъ нѣкоторыхъ лицъ въ Москвѣ почтово-телеграфнаго союза, примкнули къ этой организаціи, поставившей себѣ задачей предъявленіе Правительству различныхъ требованій не только экономическаго, но и политическаго свойства.

„Вслѣдствіе поступившихъ отъ мѣстныхъ начальниковъ запросовъ по этому предмету, считаю нужнымъ разъяснить, согласно указаніямъ управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, *что лица, состоящія на Государственной службѣ, не имѣютъ права объединяться въ кружки, группы и союзы для достиженія какихъ-либо цѣлей не въ установленномъ закономъ порядкѣ, а потому чиновники, объявившіе себя членами упомянутаго союза, не могутъ оставаться на службѣ по почтово-телеграфному вѣдомству. Всемилостивѣйшій Манифестъ 17 октября, въ части, касающейся свободы союзовъ, къ лицамъ, состоящимъ на Государственной службѣ, никакого отношенія не имѣетъ*“.

МѢСТНЫЙ ОТДѢЛЪ.

— **Благодарность литовцевъ.** Намъ доставлена копія телеграммы, посланной 22 октября с. г. изъ Грива-Семгалленской почтово-телеграфной конторы княземъ И. И. Годиминомъ-Вержанскимъ Государю Императору по случаю манифеста 17 октября 1905 г.

„Петергофъ. Его Императорскому Величеству.

Великій Государь! Трехмилліонный древнѣйшій коренной литовскій народъ ликуетъ неописуемо. Манифестъ, возвѣстившій о даровании дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ, а также о дарованіи народу широкихъ правъ въ дѣлѣ законодательства, какъ величайшій и мудрѣйшій правительственный актъ, сохранится въ памяти сего народа много тысячелѣтій. Изъ груди цѣлыхъ трехъ милліоновъ литовцевъ, жмудиновъ и жемгаловъ, вмѣстѣ составляющихъ одинъ литовскій народъ, все еще говорящій только по литовски, неумолкаемо вырывается мощное радостное „ура“ и нескончаемо раздаются одни и тѣ же благодарственныя слова; „Спасибо нашему Мудрому Императору“. Прославленію имени Вашего Императорскаго Величества нѣтъ конца. Какъ одинъ изъ сыновъ именно этого литовскаго народа и какъ прямой потомокъ Великаго Литовскаго Князя Гедимина, основателя литовской столицы Вильна, продолжающій по примѣру предковъ говорить на родномъ литовскомъ языкѣ, пріемлю смѣлость о таковой безпредѣльной радости нынѣ уже совершенно полноправнаго въ Россійской Имперіи литовскаго народа всеподданнѣйше засвидѣтельствовать передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, какъ передъ законнымъ наслѣдственнымъ великимъ литовскимъ, жмудскимъ и жемгальскимъ княземъ. Литовскій народъ былъ и останется вѣренъ своему любимѣйшему Монарху-Отцу.

Свѣтлѣйшій князь Иванъ Ивановичъ Гедиминъ - Вержанскій - Клаусутисъ-Герба-Помянъ“.

— **Молебенъ.** Въ могилевской женской гимназіи во вторникъ, 1 ноября былъ отслуженъ молебенъ о скорѣйшемъ выздоровленіи могилевскаго губернатора попечителя гимназіи. Педагогическая конференція постановила чрезъ начальника гимназіи довести до свѣдѣнія его превосходительства о выраженныхъ учащими и учащимися, чувствахъ негодованія по поводу покушенія на жизнь Н. М. Клингенберга.

— **Отложенъ вечеръ.** Въ субботу 29 октября исполнительный вечеръ въ литературно-музыкальномъ кружкѣ былъ отложенъ до слѣдующей субботы, вслѣдствіе печальнаго событія этого дня *).

— **Поправка.** Въ прошломъ № „Мог. Губ. Вѣд.“ въ фельетонѣ „Хламъ“ неправильно сверстаны на 3-ей страницѣ 4 5 столбцы, отчего теряется смыслъ статьи и самая картина похоронъ врача. Поэтому очень просимъ читателей исправить это мѣсто по слѣдующему указанію: послѣ словъ: „Процессія двигалась уже по загородному шоссе, и вскорѣ вдали показались красныя,“—слѣдуетъ читать: „кирпичныя стѣны фабричныхъ зданій и бѣлыя домики рабочаго поселка и дальше, кончая словами „Юзвицкій также взялъ въ руку много песку, но вмѣсто того, чтобы бросить его“...... за этими словами слѣдуетъ неправильно вставленный выше кусокъ, со словъ „въ могилу, крѣпко зажалъ въ рукѣ“ и т. д.

Кладбище могилевскаго Богоугоднаго заведенія.

Жена одного сельскаго священника намъ пишетъ:

Случилось мнѣ въ концѣ сентября, проѣзжать мимо кладбища Богоугоднаго заведенія въ городѣ Могилевѣ. Меня потрясло безобразное содержаніе кладбища.

Кладбище это не имѣетъ даже такой изгороди, какъ огорожены наши сельскія кладбища, но въ селахъ кладбища хоть поодаль отъ деревни, а тутъ почти въ городѣ. Свиньи, числомъ 9, разрываютъ могилы и недалеко отъ дороги свѣжая могилка совершенно разрыта. Я была сильно возмущена и боялась, что вотъ, вотъ выроютъ прахъ несчастнаго умершаго. Пусть уже этотъ несчастный натерпѣлся всего въ этой жизни, но такое издѣвательство надъ прахомъ, это уже прямо преступленіе. Если бы я болѣе постояла надъ этой картиной, то не знаю, кѣмъ бы вернулась оттуда, пожалуй и сама бы попала въ Богоугодное заведеніе. Удивительно, до чего можетъ дойти человѣкъ въ своемъ небрежномъ отношеніи къ дѣлу. И это въ самомъ городѣ, въ Могилевѣ. Да неужели Могилевъ такъ бѣденъ добрыми людьми, которые бы не допустили такого поруганія? Мужикъ, меня везшій, указалъ мнѣ на эту картину говоря: „посмотрите, вѣдь батюшка какъ насъ жмутъ за кладбище, а то вотъ и городъ“. Право мнѣ стало такъ стыдно за могилевцевъ, что я ничего не нашлась ему отвѣтить, а лишь пообѣщала ему сообщить въ „Губернскія Вѣдомости“, надѣясь на ихъ благосклонное вниманіе къ моей замѣткѣ, что его кажется и утѣшило.

Интересно знать, по какой улицѣ и какъ доставляютъ на это кладбище прахъ покойниковъ, по этой (Николаевской) улицѣ немыслимо идти священнику въ облаченіи, а онъ долженъ идти впереди; сомнѣваюсь, что этихъ несчастныхъ провожаетъ священникъ, ибо сообщеніе тутъ и на лошади почти невозможно, такъ что, можетъ быть и этого христіанскаго долга лишены эти несчастные, умершіе въ Богоугодномъ заведеніи, гдѣ такія не богоугодныя отношенія къ кладбищу“.

*) Это сообщеніе не помѣщено въ прошломъ № по недостатку мѣста.

Нѣчто о благочинныхъ.

Въ № 123 „Губернскихъ Вѣдомостей“ помѣщена справедливая отповѣдь на статью о. Т. Козловскаго въ № 19 нашихъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“. И намъ кажется, что въ этой статьѣ краски слишкомъ сгущены. Не видя вокругъ себя никакой розни въ жизни духовенства, просто не вѣрится, чтобы она могла быть и въ дѣйствительности. Вѣдь, собственно говоря, насъ такъ не много, вѣдь мы такъ далеко живемъ другъ отъ друга, откуда тутъ рознь, гдѣ мотивы такой разъединенности? А если, допустимъ, и бываютъ какія либо взаимныя недоразумѣнія, то отецъ благочинный, какъ руководитель своего округа, можетъ найти умиротворяющее средство, по крайней мѣрѣ нравственно обязанъ пособить умиротворенію своихъ собратьевъ. Вѣдь онъ по своему положенію цементирующее звено въ округѣ; не столько начальникъ, сколько старшій собратъ, сильный своимъ авторитетомъ.

Вотъ тутъ то и вся pia desideria нашего духовенства, потому что отцы благочинные не вездѣ пользуются авторитетомъ. Вѣдь эта должность и по настоящее время, не выборная,—благочинные назначаются по усмотрѣнію епархіальнаго начальства, а таковое усмотрѣніе не всегда согласуется съ желаніемъ духовенства. Естественно, при такомъ положеніи вещей, авторитетъ благочиннаго не всегда можетъ быть сильнымъ, къ нему можетъ не быть должнаго довѣрія, со стороны окружнаго духовенства.

Намъ думается, что вопросъ о выборѣ благочинныхъ, вопросъ не долгаго времени. Какъ видно изъ газетъ, онъ уже разрѣшонъ въ пользу выборнаго начала въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, благовременно было бы подумать объ этомъ и у насъ. Близятся церковныя реформы, самое положеніе вещей требуетъ сплоченности духовенства, дружной совмѣстной работы, а гдѣ она будетъ успѣшно идти, если въ округѣ нѣтъ авторитетнаго руководителя. Вѣдь прошло время, когда мы были только исполнителями циркуляровъ, жизнь зоветъ насъ на пастырскую работу, живую, дѣятельную, не бумажную. Пора освободиться отъ бюрократическихъ началъ и сознать себя, и сознательно идти на дружную работу при совмѣстной поддержкѣ и авторитетномъ руководительствѣ.

Свящ. Г. Св—ій.

Корреспонденціи Мог. Губ. Вѣд.

(Отъ собственныхъ корреспондентовъ).

Намъ пишутъ изъ г. Климовичъ.

На дняхъ городъ Климовичи былъ взволнованъ и возмущенъ дерзкой кражей совершенной въ домѣ земскаго начальника Глуховцева. 23 числа, въ три часа ночи горничная, спавшая возлѣ столовой, услышавъ подозрительный шорохъ, вошла въ комнату и увидѣла мущину низкаго роста, замѣтно сутулаго, съ небольшимъ фонаремъ, хозяйствующаго возлѣ буфета. Она подняла тревогу, и воръ убѣжалъ въ открытое имъ окно. Моментально была поднята на ноги полиція. Оказались украденными всѣ верхнія вещи, висѣвшія въ передней и серебро, оставленное на неубранномъ чайномъ столѣ. Воръ забрался было и въ ящикъ со столовымъ серебромъ, но замѣтилъ на столѣ бутылку вина, отвлекся и сталъ пить, въ этотъ моментъ и застала его прислуга. Украденныя вещи всѣ очень замѣтны: верхнія—отдѣлкой, серебро—фигурностью; такъ напр., щипцы въ видѣ аиста, сахарница въ стилѣ Людовика XIV и т. д. Казалось бы, что благодаря оригинальности вещей, быстротѣ сообщенія о фактѣ преступленія, уликамъ (брошенный фонарь, низкій ростъ, склонность къ напиткамъ) властямъ, знающимъ хорошо всѣхъ подозрительныхъ лицъ на память, не трудно было напасть на слѣдъ преступника...но случилось иначе.

Явившійся на другой день полицейскій надзиратель любезно предупредилъ потерпѣвшихъ, чтобы они не безпокоились, такъ какъ „надежды на розыскъ вещей все равно нѣтъ никакой“. На предложеніе, послать депеши во всѣ мѣстечки съ указаніемъ примѣтъ вещей, сказалъ, что и это безполезно, такъ какъ „власти заняты теперь не тѣмъ“. (Слѣдовательно ворамъ предоставляется воровать сколько имъ угодно). На просьбу обыскать такихъ-то и такихъ-то людей, какъ это всѣмъ извѣстно, промышляющимъ исключительно воровствомъ и неоднократно попадавшимися,-замѣтилъ, что за „такого то“ онъ ручается, и обысковъ производить не будетъ, такъ какъ въ настоящее время это неудобно. Воздержусь отъ какихъ бы то ни было комментарій, такъ какъ не знаю обстоятельствъ, мѣшающихъ полиціи въ данное время уличать воровъ и ограждать имущественную безопасность гражданъ, ограничусь лишь пожеланіемъ, чтобы время „свободныхъ“ безпрепятственныхъ кражъ поскорѣй кануло въ Лету вмѣстѣ съ прочими безобразіями, чтобы воры и хулиганы наконецъ перестали свободно дышать, и хоть разъ вздохнули бы полной грудью порядочные люди.

(Изъ газетъ).

Женева.

Вотъ что пишетъ „Juornal de Genève“ по поводу манифестаціи русскихъ эмигрантовъ въ Женевѣ.

„Мы очень хорошо понимаемъ чувства, которыя руководятъ студентами и студентками; мы понимаемъ ихъ радость по случаю дарованія конституціи, радость смѣшанную съ печалью, потому что телеграммы, которыя приносятъ имъ вѣсть о свободѣ, приносятъ въ то же время отзвукъ убійствъ, совершающихся на улицахъ Петербурга, Москвы и Одессы. Но они должны были бы ограничиться манифестаціями въ пивной Хандверка и оставить спокойно спать тѣхъ, которыхъ утомилъ рабочій день. Мы получили множество жалобъ по поводу манифестацій этихъ послѣднихъ ночей. Нужно надѣяться, что лица, стоящія во главѣ и пользующіяся авторитетомъ, примутъ надлежащія мѣры, чтобы въ будущемъ спокойствіе гражданъ не нарушалось звуками интернаціональнаго гимна. Пѣть въ странѣ свободы революціонные гимны—очень смѣшно; эти шумные кортежи за границей нисколько не повліяютъ на русскій кризисъ; они только мѣшаютъ спать мирнымъ гражданамъ улицы Каружъ, на что эти послѣдніе, конечно, справедливо, негодуютъ“!

Письма въ редакцію.

Милостивый государь, г. редакторъ.

I.

На состоявшемся 30 октября собраніи членовъ христіанъ и евреевъ могилевскаго кредитнаго товарищества постановлено выразить чувства соболѣзнованія его превосходительству г. начальнику губерніи по поводу случившагося 29 октября покушенія на его жизнь, моля Всемогущаго о скоромъ выздоровленіи.

Затѣмъ въ понедѣльникъ, 31 октября евреи и христіане Московскаго (Луполовскаго) предмѣстья отправились въ талмудъ-тору, гдѣ евреи совершили въ присутствіи христіанъ моленіе за больного.

При этомъ считаемъ долгомъ сообщить, что жители нашего Московскаго предмѣстья 27 октября собрались всѣ вмѣстѣ—евреи и христіане и обсуждали наши дѣла, чтобы жить въ мирѣ и согласіи между собою и рѣшили послать слѣдующую телеграмму, которую и послали 31 октября.

„Петербургъ.

Его Сіятельству графу Витте.

Мы, жители Московскаго предмѣстья губернскаго города Могилева, христіане и евреи, собравшись 27 октября для совмѣстнаго обсужденія значенія Высочайшаго Манифеста отъ 17 октября, постановили: 1) просить Ваше Сіятельство повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества наши вѣрноподданническія чувства глубокой благодарности за дарованныя всѣмъ безъ различія національности гражданскія и политическія права.

2) Объединиться для совмѣстной работы на благо обновленной родины, выразить нашъ протестъ и негодованіе по поводу совершившихся въ нѣкоторыхъ городахъ еврейскихъ погромовъ и избіенія интеллигенціи и праздновать ежегодно 27 октября какъ день объединенія. Предсѣдатель собранія Парфеній Черняковъ, товарищъ предсѣдателя Моисей Повзнеръ“.

Черняковъ, Повзнеръ, Сторошевичъ, Айзенштатъ, Климовичъ А., Крейнинъ П., Горянинъ Е., Крейнинъ М., Климовичъ Е., Мошкинъ, Горянинъ А., Равлинъ, Огурковъ И., Терманъ, Юровичъ, Глускеръ, Шпакъ, Волъ, Бинеръ, Булай, Гуревичъ, Огурковъ Я., Горянинъ С., Каганъ.

II.

Состоящій въ распоряженіи главнокомандующаго всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, дѣйствующими противъ Японіи, проситъ насъ напечатать слѣдующее:

Милостивый государь, г. редакторъ.

Не откажите помѣстить въ уважаемой вашей газетѣ нижеслѣдующую замѣтку:

Чаусскій уѣздный воинскій начальникъ на имя главнокомандующаго представилъ 13 руб. 85 коп., собранные офицерами, нижними чинами управленія и конвойной команды на нужды бойцовъ за Царя и родину, которые получены и приказомъ манчжурскимъ арміямъ отъ 23-го сентября с. г. № 2037 записаны на приходъ и затѣмъ будутъ употреблены по назначенію.

А. Л. (Подпись не разборчива)

Ст. Годаидань.

III.

Милостивый государь, г. редакторъ.

Желая видѣть представителя печати въ театрѣ и не надѣясь, чтобы городское управленіе само сознало эту необходимость, я отказываюсь на сезонъ 1905/1906 г. г. отъ № 6 кресла 1 ряда для представителя редакціи „Губернскихъ Вѣдомостей“. Могилевъ, 2 ноября 1995 года.

Распорядитель труппы М. Н. Нечай.

ПО РОССІИ.

— Трудовая народная помощь. На этихъ дняхъ сенаторъ Мясоѣдовъ поинтересовался узнать въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ какомъ положеніи находится затѣянное имъ и еще нѣсколькими лицами въ 1881 году дѣло по вопросу объ организаціи общества „Трудовая народная помощь“. Послѣ нѣсколькихъ дней розыска вся переписка по этому дѣлу, разросшаяся до феноменальныхъ размѣровъ, была обрѣтена въ архивѣ министерства, причемъ оказалась не законченной. Въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ каждый новый министръ дѣлалъ соотвѣтствующую резолюцію: „оставить безъ послѣдствій“ или «дать ходъ», и дѣло въ зависимости отъ настроенія минуты то валялось по канцеляріямъ, то лежало въ архивѣ. Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, С. Н. Гербель, узнавъ отъ сенатора Мясоѣдова о проектируемомъ 25 лѣтъ тому назадъ обществѣ, снесся по данному вопросу съ другими вѣдомствами и получилъ благопріятные отвѣты, за исключеніемъ канцеляріи министра Высочайшаго Двора. Общество „Трудовой народной помощи“ уже функціонируетъ 24 года, открыло за этотъ срокъ 30 мастерскихъ, до 300 народныхъ читаленъ-библіотекъ, но безъ утвержденнаго устава и разрѣшенія властей, которыя совершенно не знали объ этомъ, между тѣмъ предсѣдателями провинціальныхъ отдѣленій состоятъ губернаторы.

— Расширеніе каталога книгъ. Въ послѣднемъ засѣданіи учебнаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ академика т. с. Соннова, вновь былъ поднятъ вопросъ о расширеніи каталога книгъ, допускаемыхъ въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. Два года назадъ ученый комитетъ представлялъ бывшему министру народнаго просвѣщенія т. с. Зенгеру о желательности допущенія къ обращенію въ названныхъ читальняхъ всѣхъ книгъ, разрѣшенныхъ къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ учебныхъ руководствъ или пособій, но т. с. Зенгеромъ предложеніе комитета было почему-то отклонено. Нынѣ предложеніе это ученымъ комитетомъ возобновлено. Въ началѣ же нынѣшняго года тѣмъ же комитетомъ было единогласно признано болѣе правильнымъ сосредоточить надзоръ за книжнымъ составомъ народныхъ библіотекъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ съ упраздненіемъ нынѣшняго, издаваемаго министерствомъ народнаго просвѣщенія каталога, какъ не основаннаго на точномъ требованіи закона. Бывшій министръ т.-т. Глазовъ согласился съ этимъ заключеніемъ ученаго комитета и послѣднее было сообщено министерству внутреннихъ дѣлъ, но дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Съ того времени прошло однако свыше полугода.

Судьбы духовной школы.

Въ передовой статьѣ „Церковнаго Вѣстника“ читаемъ:

Волна освободительнаго движенія, охватившаго всѣ слои русскаго общества, захлестнула и въ духовное вѣдомство. Всегда консервативное, безропотно покорное, привывшее мириться со всякимъ положеніемъ и благословлять не только правду, но иногда и неправду, духовное вѣдомство поддалось, наконецъ, общему потоку времени и непривычнымъ для него голосомъ заговорило, вслѣдъ за другими, о „реформахъ“. Въ Св. Синодѣ, на съѣздахъ духовенства, въ духовныхъ органахъ печати—вездѣ, гдѣ до сихъ поръ царилъ мертвый покой, теперь начинается движеніе, обнаруживаются признаки жизни и пробуждающагося сознанія.

Первую тревогу въ духовномъ вѣдомствѣ забила духовная школа. Броженіе въ ней началось еще задолго до теперешнихъ событій, 4—5 лѣтъ тому назадъ. Выросшее здѣсь долгое время глухимъ и скрытымъ, недовольство и раздраженіе среди учащихся давно уже стало пробиваться наружу: сначала оно обнаруживалось сдержанно и робко—отдѣльными вспышками неудовольствія и ропота, затѣмъ болѣе рѣшительно и смѣло—коллективными выраженіями протеста—демонстраціями, петиціями и пр., а наконецъ разразилось общими и очень крупными безпорядками, охватившими большую часть духовно-учебныхъ заведеній. Волненія начинались обыкновенно по поводу какихъ-нибудь случайныхъ и большею частію не значительныхъ обстоятельствъ—недоразумѣній изъ-за стола, отпусковъ на прогулки и т. п., но заканчивались серьезными заявленіями учащихся о необходимости реформы въ духовной школѣ. Для подавленія безпорядковъ отправлялись на мѣста чиновники изъ Синода, которые, однако, большею частію не давали себѣ труда разбираться въ истинныхъ причинахъ обнаружившейся въ духовной школѣ болѣзни и, принимая внѣшніе и случайные поводы къ безпорядкамъ за при-

СМѢЛЫЯ МЫСЛИ.

ОЧЕРКИ МАРІИ КОРЕЛЛИ.

Переводъ съ англійскаго Холли.

Власть пера.

Въ былые дни литературное достоинство не составляло звука пустого. Давно это было, но было когда-то, что мыслители и писатели считались заслуживающими болѣе почестей и уваженія, чѣмъ короли промышленности и биржевые маклеры. Тогда каждый выдающійся писатель открыто признавался «блестящей звѣздой», достойной особаго восхищенія. Въ то время не было «синдиката печати» и литераторы не сбивались въ кучу, образуя своеобразный рабочій союзъ бумагомаракъ. Поэты, беллетристы, фельетонисты двигались каждый по своей орбитѣ, и своеобразная, различная у каждаго изъ нихъ манера трактовать свои темы, возбуждала и интересъ, и восхищеніе культурныхъ людей, понимавшихъ и цѣнившихъ ихъ усилія. Но теперь все это измѣнилось. То, что когда-то называлось культурнымъ обществомъ, быстро гніетъ, опускаясь до пошлости и невѣжества.

Профессія литератора такъ мало цѣнится и такъ плохо понимается, что отвѣтственные редакторы принимаютъ и печатаютъ въ своихъ журналахъ статьи титулованныхъ свѣтскихъ барынь, одинаково невѣжественныхъ какъ въ синтаксисѣ, такъ и въ орфографіи. Корректора правятъ орфографическія ошибки, но синтаксисъ обыкновенно остается невыправленнымъ, такимъ же хромающимъ, какимъ онъ вылился изъ-подъ пера аристократической писательницы. Газеты переполнены не честно выраженными, вздумчивыми мнѣніями о дѣлахъ страны, но туманными соображеніями и сплетнями, никому не интересными, кромѣ болтуновъ.

Въ тонѣ современной литературы замѣтно достойное сожалѣнія безсиліе, вмѣстѣ съ еще болѣе достойнымъ сожалѣнія недостаткомъ остроумія. По словамъ пессимистовъ, темы истощились. Пропагательства политикановъ истощили землю, препирательства сектъ и вѣроученій истощили небо, а безнравственность общества, если не совсѣмъ, то частью истощила адъ. Однако, осталась еще одна тема, обнимающая многія услады, и земныя, и небесныя,—это власть пера. Даже и въ наши дни перо остается наибольшею силой на землѣ, равно способною какъ на зло и на добро. Маленькимъ орудіемъ, вѣсъ котораго почти нечувствителенъ для руки, легко возбуждаются цѣлые народы. Обыкновенно, это просто кусочекъ дерева съ насаженнымъ на него стальнымъ остріемъ, а когда его держатъ тремя пальцами, оно превращается въ живое существо, пульсируетъ заодно съ сердцемъ, исполненнымъ любовью, съ мозгомъ, проникнутымъ мыслью, и записываетъ почти безсознательно и живыя ощущенія, и зажигательныя слова.

Властью пера издаются законы, создаются правительства, распространяется религія. Безъ него не было бы Библіи, не было бы Новаго Завѣта; исторія, классическая литература, философія, поэзія—все кануло бы въ лету вмѣстѣ со своими создателями. Мы не знали бы, что Юлій Цезарь когда то расхаживалъ по британской землѣ и что Неронъ игралъ на скрипкѣ въ то время, когда горѣлъ Римъ. Не будь власти пера, мы все еще находились бы въ доисторической тьмѣ и даже не мечтали бы о прогрессѣ, черезъ который прошло человѣчество и въ которомъ теперешнее поколѣніе имѣетъ свою небезславную долю. Въ виду этого я думаю и рѣшаю утверждать, что власти пера подчинено болѣе людей, чѣмъ когда-либо подчинялось самому могущественному монарху, и что профессія, называемая литературой, величайшая, и благороднѣйшая изо всѣхъ профессій, открытыхъ для человѣческой пытливости. Государства, троны, торговля, войны, политика, общество—все это существуетъ лишь ограниченное, короткое время, перо отмѣчаетъ ихъ въ то время, когда они проходятъ мимо, но власть его переживаетъ ихъ всѣхъ.

Мы ничего бы не знали теперь о величіи древняго Египта, объ исторіи его забытыхъ царей, если бы не розетскій камень, на которомъ рѣзецъ рѣзчика, замѣнявшій перо, записалъ египетскіе іероглифы рядомъ съ греческими литерами, оставивъ, такимъ образомъ, ключъ къ погребеннымъ въ пескѣ тайнамъ великой отжившей цивилизаціи.

Классическая Греція, нѣкогда стоявшая на первомъ мѣстѣ во всемъ, что составляетъ величіе народовъ, а въ особенности въ побѣдахъ ея смѣлыхъ воиновъ, почти забыла свою прежнюю славу и, пожалуй, была бы совсѣмъ забыта другими народами, если бы не Гомеръ! Прекрасный слѣпецъ, воспѣвшій золотые дни эллинской славы и эллинскихъ побѣдъ, до сихъ поръ поддерживаетъ память о ней. Не надо забывать и другого прославленнаго поэта, возложившаго на алтарь Греціи и свою жизнь, и свои лавры, безсмертнаго англичанина Байрона, великолѣпная поэма котораго „Острова Греціи“ можетъ, не краснѣя, занять мѣсто рядомъ съ лучшими стихами Гомера.

Чѣмъ въ наши дни болѣе всего хвалится вся Италія и въ особенности Флоренція? Не торговлей, не богатствомъ, а просто поэзіей Данте. При жизни онъ былъ предметомъ ненависти и насмѣшекъ; его презирали, отказались отъ него и отправили въ изгнаніе его же сограждане, а теперь онъ сталъ предметомъ поклоненія въ своемъ родномъ городѣ, требующемъ къ себѣ особаго почтенія остальныхъ народовъ за то только, что онъ былъ мѣстомъ рожденія этого геніальнаго человѣка съ великой душой. Даже послѣ смерти проявляется власть пера, отмщая за прижизненное пренебреженіе и завоевывая себѣ всемірное признаніе.

И, однако, есть немало работниковъ литературы, утверждающихъ, что власть пера не доставляетъ имъ никакой услады, что это вздоръ, что она приноситъ лишь разочарованія и огорченія, и что имъ никогда не платятъ достаточно за то, что они дѣлаютъ. Особенно уязвимое мѣсто у нихъ занимаетъ именно послѣднее соображеніе. Они такъ часто останавливаются на немъ, такъ много думаютъ объ этомъ, что, наконецъ, вопросъ о томъ, какъ велика или какъ мала получаемая ими плата, является единственно существеннымъ, и съ этой точки зрѣнія они и смотрятъ на свою профессію. Это ложный путь, этотъ путь ведетъ къ разлитію желчи и хроническому несваренію желудка. Это не мой путь. Для меня та незначительная доля власти пера, которою я обладаю, является волшебнымъ талисманомъ, который я не промѣняла бы ни на какіе милліоны. Онъ скрашиваетъ мою жизнь, возвеличиваетъ и преображаетъ всѣ событія и даже мельчайшія случайности. Онъ чертитъ для меня исторію человѣческой жизни на лицѣ ребенка, вкладываетъ цѣлую книгу поэзіи и философіи въ чашечку цвѣтка; онъ открываетъ мнѣ глаза; я съ болѣе живою и проникновенною благодарностью взираю на красоту природы, и сердце мое наполняется такою радостью, которую внѣшнія событія не могутъ нарушить.

Разумѣется, за каждый трудъ надо и требовать, и получать справедливую плату. Законъ спроса и предложенія одинаково неприложенъ для всякой профессіи. Властью пера каждаго отдѣльнаго писателя опредѣляется цѣна, которую публика платитъ ему за трудъ, но лично мнѣ приходилось нерѣдко отказываться отъ значительныхъ суммъ, предлагаемыхъ мнѣ за выясненіе или распространеніе идей, которымъ я не сочувствовала. Самая большая плата не заставила бы меня писать противъ убѣжденія. Я счастлива, что нѣкоторые изъ моихъ собратьевъ по перу раздѣляютъ этотъ взглядъ, но ихъ не такъ много, какъ было бы желательно для поддержанія достоинства и чести нашей профессіи.

Затѣмъ есть еще очень спорный вопросъ—объ отношеніи къ публикѣ, къ читателю. Я часто замѣчала съ глубокимъ сознаніемъ собственнаго ничтожества, что всѣ великіе современные писатели или, вѣрнѣе, всѣ, считающіе себя таковыми, относятся къ публикѣ съ благороднымъ презрѣніемъ. „Онъ“ или «она» „пишутъ для публики“—такимъ замѣчаніемъ, сопровождаемымъ презрительной усмѣшкой, какъ предполагается, можно уничтожить честолюбиваго бумагомараку, властью пера обратившаго на себя вниманіе читателей. Но если писателямъ не писать для публики, то для кого же имъ писать? Часть перворазрядныхъ писателей увѣряетъ, что они пишутъ для потомства! Но вѣдь и „потомство“ тоже „публика“! Я положительно не вижу пути, какимъ малый или великій писатель можетъ уйти отъ публики. Единственный путь—это ничего не писать. Но если тѣ, кому дана власть пера, хотятъ использовать предоставленную имъ великую привилегію, то они будутъ всегда писать „для публики“ и отъ нея исключительно получать заслуженные лавры. Время, постановляя окончательный приговоръ о величіи писателя, будетъ руководствоваться не голосомъ группы, клуба или партіи, но любовью и уваженіемъ всего народа. Потому что каковыми бы ни были мимолетныя, поверхностныя увлеченія, измѣняющія настроеніе общества, но душой народъ всегда стремится къ правдѣ, справедливости и добру, и писатель, чье перо своей властью сильно, вѣрно и настойчиво помогаетъ достиженію этихъ цѣлей, не будетъ забытъ.

Надѣюсь и вѣрю, что только немногіе легкомысленные, невѣжественные и не пользующіеся успѣхомъ читателей, воображающіе, что имъ принадлежитъ власть пера, но въ дѣйствительности ею не обладающіе, находятъ своего рода печальное удовлетвореніе, выставляя себя не признанными геніями, съ чувствами слишкомъ утонченными для воспріятія ихъ публикой, то есть массой. На мое скромному мнѣнію, нѣтъ ничего слишкомъ хорошаго для воспріятія публики. Она заслуживаетъ самаго лучшаго изо всего, что можетъ быть создано. Недодѣланный трудъ отнюдь не слѣдуетъ отдавать на ея судъ... Когда поэтъ слагаетъ свои пѣсни, пусть онъ самыя лучшія изъ нихъ слагаетъ для массы; когда художникъ пишетъ картины, самыя блестящія изъ нихъ должны быть отданы массѣ; когда беллетристъ создаетъ свои разсказы, очерки и романы, онъ долженъ всѣ силы вложить въ свой трудъ, чтобы очаровать массу, просвѣтить ее, пробудить человѣческую мысль и возбудить интересъ къ своему произведенію. Глупо писать для „потомства“, потому что, разъ современная публика не хочетъ васъ знать, у васъ десять шансовъ противъ одного, что и послѣдующія поколѣнія поступятъ съ вами точно такъ же. Всѣ именно великіе писатели работали для современной имъ публики безъ какихъ-либо эгоистическихъ разсчетовъ на посмертную оцѣнку.

Величайшій въ мірѣ поэтъ, Вильямъ Шекспиръ, былъ, насколько возможно это установить, простымъ, веселымъ, прямодушнымъ варвикширцемъ, писавшимъ свои пьесы для удовольствія публики, посѣщавшей театръ Глобъ. Онъ не говорилъ, что онъ «слишкомъ» хорошъ для публики; нѣтъ, онъ работалъ для нея. Онъ такъ мало значенія придавалъ своему таланту, что въ завѣщаніи даже не упомянулъ о своихъ трудахъ. По этому уже мы смѣло можемъ заключить, что онъ не мечталъ о будущей славѣ, а между тѣмъ, черезъ триста лѣтъ послѣ его смерти, нѣтъ во всемъ мірѣ цивилизованной страны, гдѣ не было бы общества его имени, ежегодно пишутся новыя

чины ихъ, старались уладить недоразумѣнія и удалить виновниковъ ихъ; на серьезныя же заявленія учащихся или не обращалось никакого вниманія, или отвѣчали разнаго рода репрессіями. Такимъ образомъ, положеніе дѣла въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не улучшалось, а ухудшалось, безпорядки, на время подавленные, возобновлялись или передавались изъ одной семинаріи въ другую, занятія учебныя сдѣлались мѣстами, совсѣмъ невозможными, пришлось закрыть нѣкоторыя учебныя заведенія, одни на время, другія совсѣмъ. Сколько при этомъ молодыхъ жизней было загублено, сколько жертвъ было выброшено изъ стѣнъ духовной школы на улицу! Но канцелярской души чиновниковъ не могли смутить ни эти жертвы и вопли духовной школы, ни полное разстройство всей ея учебно-воспитательной жизни. Общее недовольство учащихся въ духовной школѣ, массовыя волненія и быстрое распространеніе безпорядковъ среди нихъ—все это или просто не замѣчалось начальствомъ духовныхъ заведеній, или легкомысленно объяснялось тлетворными вліяніями свѣтской учащейся молодежи, хотя два-три года тому назадъ эта свѣтская молодежь была спокойнѣе, чѣмъ духовная, и волненія среди послѣдней возникли раньше, чѣмъ начались безпорядки въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но таково уже свойство всякаго канцелярскаго начальства: не умѣя и не желая считаться съ живой дѣйствительностію, оно обыкновенно обманываетъ себя всякими иллюзіями...

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что тяжесть существующаго режима въ духовномъ вѣдомствѣ прежде всего почувствовала и заявила школа. Здоровые инстинкты и жизненныя потребности въ молодежи вообще болѣе сильны и труднѣе сдерживаются, чѣмъ въ людяхъ зрѣлаго возраста, освоившихся съ пошлостію жизни и искусившихся во всякихъ компромиссахъ. Съ другой стороны, традиціи „добраго стараго времени" то-есть, отжившіе свой вѣкъ порядки, едва ли гдѣ поддерживаются съ такой ревностію, съ такимъ упорнымъ нежеланіемъ считаться съ требованіями времени и жизни, какъ въ духовномъ вѣдомствѣ, и въ частности—въ духовной школѣ. Весь теперешній учебно-воспитательный строй духовно-учебныхъ заведеній представляетъ собою какое-то сплошное педагогическое недоразумѣніе. Уставъ 84 года, создавшій этотъ строй, не могъ быть оправданъ даже въ свое злополучное время, въ самомъ своемъ происхожденія. Ничѣмъ не вызванный, наскоро изготовленный, уставъ этотъ явился въ угоду немногимъ высокопоставленнымъ лицамъ и къ огорченію всѣхъ истинныхъ друзей духовнаго образованія. Вмѣсто того чтобы улучшить духовную школу 60-хъ годовъ, преобразовавъ ее сообразно новымъ условіямъ жизни и болѣе широкимъ требованіямъ науки и педагогіи, онъ отодвинулъ ее назадъ—къ принципамъ 40-хъ годовъ, и такимъ образомъ превратилъ духовную школу въ явный педагогическій анахронизмъ, не удовлетворяющій ни общимъ цѣлямъ школьнаго обученія и воспитанія, ни спеціальнымъ задачамъ церковно-пастырской подготовки. Такъ создалось печальное положеніе теперешней духовной школы, болѣе 20 лѣтъ страдающей отъ плохого „усмотрѣнія" тѣхъ, кто направляетъ судьбами нашего духовнаго образованія! А при крайнемъ консерватизмѣ духовнаго вѣдомства неудивительно, что анахронизмъ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія продолжаетъ существовать и до настоящаго времени.

Всего интереснѣе, однако, то, что неудовлетворительность устава 84 г. сознавало по-своему и само духовно-учебное начальство. Не прошло и одного года послѣ введенія въ духовныхъ семинаріяхъ «новаго» устава, какъ его пришлось уже измѣнять и дополнять, впрочемъ,—все въ томъ же ретроградномъ направленіи. Въ 96 году въ Синодѣ была образована комиссія для выясненія недостатковъ дѣйствующаго устава, представлялось необходимымъ улучшить и учебную и воспитательную части духовнаго образованія, въ 1901 году выработаны были даже новыя программы преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ; много за это время говорилось и писалось въ виду задуманной Синодомъ реформы, съ нетерпѣніемъ ждала ее изстрадавшаяся и изнемогшая духовная школа, но... все, что было, такъ и осталось: «воз и нынѣ тамъ»! Дѣло духовнаго образованія, очевидно, Св. Синоду не представляется настолько важнымъ, чтобы стоило спѣшить улучшеніемъ его, даже при сознаніи всей неудовлетворительности этого дѣла. Вышедшій негоднымъ 22 года тому назадъ, уставъ духовно-учебныхъ заведеній успѣлъ за это время состариться, но сохранился во всей своей неприкосновенности; работы надъ нимъ всякихъ комиссій, покушавшихся передѣлать и исправить его, скоро будутъ праздновать десятилѣтній юбилей своего пребыванія въ канцеляріяхъ. И неизвѣстно, чѣмъ и когда кончилась бы эта канцелярская „реформа" духовной школы, если бы на помощь послѣдней не пришли чрезвычайныя событія новаго времени, заставившія поставить вопросъ гораздо шире и говорить уже о реформѣ всей церковной жизни.

Воззваніе къ русскимъ женщинамъ.

Въ „Русск. Листкѣ" напечатано слѣдующее воззваніе къ русскимъ женщинамъ одной изъ читательницъ этой газеты.

«Русскія женщины! Обращаюсь къ вашему разуму и сердцу.

«Наша родина, дорогая Россія, истощенная и униженная несчастной войной, раздираемая внутренней смутой—въ опасности! Гдѣ-же вы, русскія женщины! Отчего не раздается вашего голоса! Или же русскихъ женщинъ не стало болѣе на Руси!

Или забыли вы, что земля на которую вы ступаете, полита потомъ и кровью русскаго народа? Или забыли вы, что дома, въ которыхъ вы живете, хлѣбъ, который вы ѣдите, платье, которое вы носите, все, все, что вы можете охватить взглядомъ,—плоды неустанныхъ многовѣковыхъ трудовъ мозолистыхъ рукъ русскаго народа?

«Гдѣ-же вліяніе ваше на вашихъ сыновей? Можно-ли повѣрить тому, чтобы русская женщина воспитала сына своего въ забвеніи Бога и родины?

«Гдѣ же вліяніе ваше на вашихъ мужей, или оно не переходитъ за порогъ вашей спальной? Признавъ ошибочно ихъ авторитетъ надъ собой, вы согнули передъ ними головы, потворствуя ихъ безумнымъ стремленіямъ, во что-бы ни стало, ради модныхъ химеръ и утопій, привести вашу родину къ краю гибели; вы слѣдуете за ними покорными овечками. Тогда о какой же равноправности съ мужчинами можете вы говорить?

«Женщина, сознающая свою нравственную силу, всегда чувствуетъ себя мужчинѣ равною, и можетъ желать лишь одинаковаго съ мужчинами общаго образованія и равнаго съ ними вознагражденія за свой трудъ, если онъ равенъ мужскому труду. Развѣ новгородки, псковитянки не были равными своимъ мужьямъ? Развѣ черногорки и понынѣ не равныя своимъ мужьямъ? Или культурная женщина нашего жалкаго, по силѣ духа, времени стала такою ничтожною, что не можетъ быть—ни патріоткой, ни гражданкой, а можетъ быть только плохой женой и матерью? Или еврейки, польки, финляндки умнѣе, энергичнѣе русской женщины и имѣютъ право смотрѣть на нее сверху внизъ; и только онѣ однѣ умѣютъ быть патріотками, вліять на своихъ мужей и отстаивать свои національные интересы?

«Нѣтъ, этого нѣтъ и быть не можетъ. Если бъ это было, такъ и русская женщина стала бы измѣнницей родинѣ, не благословила бы она, съ обливающимся кровью сердцемъ, безропотно, стольких вѣрныхъ сыновъ родины за тысячи верстъ, на подвиги, на муку, на смерть, на защиту чести этой родины. Поддавшись нездоровымъ внушеніямъ враговъ Россіи, разсѣянныхъ повсюду, въ увлеченіи утративъ способность трезво отдѣлять пшеницу отъ плевелъ, подчинившись вліянію своихъ неврастеничныхъ мужей, малодушно боясь быть названными неинтеллигентными, отсталыми ретроградками, русскія женщины, вопреки неумолкавшему въ нихъ голосу здраваго разсудка и сердца, которыми онѣ были богаты во всѣ времена, растерялись, упали духомъ, утратили вѣру въ себя, взоръ ихъ отуманился и холодный свѣтъ электричества онѣ приняли за животворящій солнечный свѣтъ. Не такъ ли, русскія женщины?

«Такъ пора настала вамъ стряхнуть съ себя этотъ разъѣдающій недугъ; прозрѣть разумомъ и сердцемъ, вспомнить, что родинѣ своей, народу русскому, обязаны вы своимъ существованіемъ и существованіемъ дорогихъ вамъ людей.

«Вліяйте же на вашихъ мужей, сыновей и братьевъ; любовью, горячимъ словомъ убѣжденія разсѣйте мракъ ихъ заблужденій. Скажите имъ, что Россія прежде всего для русскихъ! Влейте въ ихъ сердца любовь къ родинѣ и многострадальному русскому народу. Поддерживайте ихъ въ минуты упадка ихъ духа. Возстановите въ ихъ памяти дивныя, славныя страницы родной исторіи. Дрогнетъ тогда Русь отъ края и до края, сплотившись въ единомъ, несокрушимомъ чувствѣ любви къ родинѣ».

Среди газетъ и журналовъ.

Вышедшій 27 октября въ Петербургѣ органъ крайней лѣвой партіи социалъ-демократизма „Новая Жизнь" въ фельетонѣ М. Горькаго излагаетъ свои взгляды на мѣщанство, какъ на исключительную принадлежность нынѣшнихъ господствующихъ классовъ. Фельетонъ наполненъ парадоксами, изъ которыхъ мы приводимъ слѣдующій:

На почвѣ усиленныхъ попытокъ примирить непримиримое у мѣщанъ развилась болѣзнь, которую онъ назвалъ—совѣсть. Въ ней есть много общаго съ тѣмъ чувствомъ тревожной неловкости, которое испытываетъ дармоѣдъ и бездѣльникъ въ суровой рабочей семьѣ, откуда—онъ ждетъ—его могутъ однажды выгнать вонъ. Въ сущности и совѣсть все тотъ же страхъ возмездія, но уже ослабленный, принявшій, какъ ревматизмъ, хроническую форму. Эта особенность мѣщанской души позволила мѣщанину создать новое орудіе примиренія—гуманизмъ,—это нѣчто вродѣ религіи, но не такъ цѣльно и красиво, тутъ есть немного логики, немного добраго чувства, жалости и много наивности и всего больше христіанскаго стремленія дать людямъ, вмѣсто хлѣба насущнаго мыльные пузыри. Въ концѣ концовъ—это милостыни народу, довольно жалкія и прѣсныя крохи, великодушно брошенныя богатымъ Лазаремъ своему бѣдному тезкѣ... Это не имѣло успѣха, народъ не насытился, не сталъ болѣе кроткимъ и по прежнему, хотя и безмолвно, но очень косо, смотрѣлъ голодными глазами, какъ пожирались плоды его труда. Было ясно—гуманизмъ не можетъ служить для мѣщанъ орудіемъ защиты противъ напора справедливости...

Мѣщанинъ любитъ говорить народу „возлюби ближняго твоего, какъ самого себя", но подъ ближнимъ всегда подразумѣваетъ только самого себя и, поучая народъ любви, оставляетъ за собою право жить за счетъ чужого труда—незыблемымъ.

Наканунѣ смерти.

Редакторъ „Черном. Газ." обратился недавно къ извѣстному актеру М. В. Дальскому съ слѣдующимъ заявленіемъ:

Предсмертная просьба.

„Я получилъ отъ извѣстнаго артиста Дальскаго письмо, въ которомъ онъ категорически заявляетъ, что намѣренъ меня убить. Покорнѣйше прошу объ одномъ г. артиста Дальскаго: назначить мнѣ день, когда я буду убитъ его карающей рукой, дабы я имѣлъ возможность устроить свои дѣла и достойно приготовиться къ переходу въ лучшій изъ міровъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни газетъ, ни знаменитыхъ артистовъ. Прощайте, читатель!

Редакторъ.

P. S. Если великодушнымъ артистомъ будетъ сохранена еще моя жизнь на день—два, то я познакомлю читателей болѣе подробно съ тѣмъ, за что я заслужилъ такую жестокую кару со стороны г. Дальскаго".

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Исправленіе носовъ. Ни одна отрасль медицины не достигла такихъ порази-

изслѣдованія его произведеній, акторы усиленно работаютъ надъ изображеніемъ его героевъ, и—самая странная дань его памяти—являются завистники, утверждающіе, что его труды въ сущности ему не принадлежали. Послѣднее и являются главнѣйшимъ доказательствомъ величія его генія, такъ какъ его блескъ и многосторонность заставили ограниченныхъ людей усомниться въ томъ, что такую геніальность способенъ былъ вмѣстить мозгъ одного человѣка. Черезъ триста лѣтъ, несомнѣнно, явятся люди, которые будутъ доказывать, что Вальтеръ Скоттъ не написалъ и не могъ написать своихъ романовъ, такъ какъ они въ своемъ родѣ такъ же велики, какъ пьесы Шекспира. Вальтеръ Скоттъ также писалъ для публики. Своей волшебной палочкой онъ дотрогивался до дикихъ горъ, озеръ и лѣсовъ своей родины, и окружилъ ихъ ореоломъ вѣчной красоты и романтичности. Можно ли вообразить себѣ Шотландію безъ Вальтеръ Скотта и Роберта Бернса? Нѣтъ! Властью пера они правятъ всей страной, и внѣ власти государей создаютъ волшебное царство для всѣхъ людей, безъ различія группъ и классовъ. Въ наши дни находятся люди съ „высшимъ развитіемъ", объявляющіе Вальтеръ Скотта устарѣвшимъ и заявляющіе, что они не могутъ читать его романы. Что же, я, пожалуй, согласна, что Вальтеръ Скоттъ устарѣлъ, какъ устарѣло солнце, но и вліяніе его на людей такое же здоровое, какъ вліяніе солнечнаго свѣта. Онъ жилъ въ такое время, когда мужчины еще относились съ почтеніемъ къ женщинамъ и когда женщины заслуживали это. Я думаю, что если бы онъ могъ теперь быть среди насъ и видѣлъ бы перемѣну, происшедшую въ обществѣ, то едва ли онъ сталъ бы писать. Поклоненіе золотому тельцу, рабское обожаніе каждаго вновь объявившагося милліонера едва ли вдохновили бы его перо, развѣ только горемъ и негодованіемъ. Но если бы онъ былъ съ нами и писалъ для насъ, я увѣрена, что онъ употребилъ бы долю своей великой власти на протестъ противъ отсутствія тонкаго пониманія, изящества и снисходительности, чѣмъ, къ несчастью, отмѣчено современное общество. Я думаю, что онъ сказалъ бы что-нибудь о курящихъ школьникахъ, вѣроятно, его возмутила бы пляшущая кэкъ-уокъ аристократка. Я думаю также, что онъ умолялъ бы женщинъ не разставаться со своей главной прелестью—женственностью, и я увѣрена, что онъ былъ бы очень огорченъ ужаснымъ развитіемъ десяти и одиннадцати-лѣтнихъ ребятъ, не находящихъ ничего интереснаго въ волшебной сказкѣ.

А что сказать о миломъ Чарльзѣ Диккенсѣ, котораго объявили вульгарнымъ люди съ «великимъ развитіемъ», услаждающіеся произведеніями желтой прессы? Развѣ любовь вульгарна? Развѣ вульгарны жалость, нѣжность и вѣра? Развѣ доброта, состраданіе, терпимость вульгарны? Если да, то, конечно, вульгаренъ и Чарльзъ Диккенсъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Немного писателей были столь благодѣтельно,великолѣпно вульгарны, какъ онъ. Какія дивныя картинки вызывало передъ нами его перо своей волшебной властью! Какъ патетиченъ, игривъ, юмористиченъ онъ въ своихъ описаніяхъ, и до какого паѳоса возвышается онъ порой! Напримѣръ, въ такихъ сценахъ, какъ кораблекрушеніе въ «Давидѣ Коперфильдѣ», или въ этомъ удивительномъ описаніи въ «Исторіи одного города», когда раздаются въ ночной тиши тяжелые шаги духа французской революціи! Пусть мнѣ укажутъ описаніе, такой же силы въ какомъ-либо произведеніи современномъ или былыхъ временъ! Оно единственное съ своемъ родѣ, какъ все истинно великое.

И когда мы станемъ думать заодно съ такими великими писателями, мы будемъ одерживать такія побѣды надъ нашими сердцами и помыслами, надъ нашими страстями и желаніями, которыя сдѣлаютъ насъ и лучше, и сильнѣе.

Это приводитъ меня къ соображенію, которое я очень часто обдумывала. Нельзя не замѣтить, что теперешняя система воспитанія быстро уничтожаетъ два главнѣйшія пособія для наслажденія жизнью и въ особенности для наслажденія литературой: воображеніе и восторгъ. Передъ школьникомъ или школьницей, усиленно готовящейся къ экзаменамъ, запираются ворота волшебнаго царства сказокъ. Однажды я имѣла удовольствіе принимать у себя юнаго одиннадцатилѣтняго джентльмена, только-что прибывшаго изъ лондонскаго колледжа, и онъ оказался «индифферентнымъ» къ жизни, которая ему «надоѣла». Все вообще на него нагоняло «скуку», а о сказкахъ онъ выразилъ свое мнѣніе однимъ словомъ: «ерунда». Должна сказать, что мнѣ жаль было этого ребенка, для котораго книга Ганса Андерсена была запечатана семью печатями, а красоты «Тысячи и одной ночи» были невѣдомымъ міромъ. И одинаково жалко мнѣ дѣтей старшаго возраста, взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, которые не могутъ всецѣло отдаться очарованію или ужасу книги, а съ перешительностью и сомнѣвающеюся усмѣшкою подготовляются къ прочтенію ея. Поступая такимъ образомъ, они запираютъ передъ собой входъ въ чертоги наслажденій. Воображеніе—это высшій даръ поэта и беллетриста. Это своего рода двойное зрѣніе, переносящее обладателя этого дара въ такія мѣста, которыя онъ никогда не видалъ, и окружающее его такими странными событіями, которыя въ дѣйствительности никогда не происходятъ.

По одному изъ глупѣйшихъ ходячихъ мнѣній, писатель долженъ лично посѣтить мѣстность, которую онъ собирается описать. Нѣтъ ничего болѣе невѣрнаго. Если мы ищемъ точныхъ подробностей, то можемъ посмотрѣть въ путеводителѣ; но если мы хотимъ полной картины, то должны обратиться за ней къ писателю, обладающему даромъ воображенія или двойнымъ зрѣніемъ, которые возвышаютъ его надъ обыкновеннымъ Бедекеромъ. Примѣры такого двойного зрѣнія безчисленны. Взять хотя бы того же Шекспира. Онъ, конечно, никогда не зналъ лично ни Антонія, ни Клеопатры, онъ не жилъ во время Юлія Цезаря, онъ не совершалъ убійства, хотя отлично описалъ убійство въ «Макбетѣ», онъ не могъ быть товарищемъ Гамлета по университету. А гдѣ, среди угрюмаго реализма жизни, могъ онъ встрѣтить этихъ изящныхъ созданій—Аріеля и Пука? Конечно, они зародились на небесахъ его безграничнаго воображенія, явились къ нему на крыльяхъ его собственной мысли для того, чтобы вылиться въ форму и образъ и навѣки остаться въ литературѣ. Вальтеръ Скоттъ никогда не видѣлъ Швейцаріи, а написалъ свою «Анну Гейерштейнскую»; Томасъ Муръ не былъ на Востокѣ, однако, написалъ „Лалла Рукъ".

Чарльзъ Диккенсъ никогда не дрался на дуэли и не видалъ, какъ другіе дрались, а между тѣмъ описаніе дуэли Честера съ Гердалемъ въ «Барнаби Роджъ» одно изъ самыхъ живыхъ и наглядныхъ. Изъ того, что писатель хорошо описалъ извѣстное событіе, вовсе не слѣдуетъ, что онъ лично переживалъ это событіе. Очень часто случается совершенно обратное, и самыя поразительныя приключенія въ романахъ описываются людьми, ведущими спокойную, тихую жизнь. Стоитъ только вспомнить съ одной стороны «Джэнъ Эйръ», съ другой буржуазную, скучную жизнь ея автора Шарлотты Бранте.

Но возвратимся еще разъ къ Гансу Андерсену. Мы всѣ знаемъ, что онъ не могъ видѣть, какъ черезъ трубу бѣжала фарфоровая пастушка съ фарфоровымъ трубочистомъ, мы знаемъ также, что онъ не могъ слышать рыданій этой пастушки, плакавшей на крышѣ изъ-за того, что свѣтъ такъ великъ и позолота съ нея снята; но когда намъ приходится читать этотъ фантастическій разсказъ, мы чувствуемъ, что, вѣроятно, онъ какъ-то ухитрился все это видѣть, и намъ досадно, что мы сами никогда не видѣли и не увидимъ такихъ удивительныхъ вещей. Это одно изъ свойствъ власти пера, которая дѣлаетъ абсолютно-реальными самыя странныя, самыя красивыя, самыя ужасныя и самыя невѣроятныя измышленія.

Чтобы вполнѣ насладиться фантазіей автора, мы, читатели его книгъ, должны сами фантазировать вмѣстѣ съ нимъ, мы должны идти съ нимъ туда, куда онъ насъ ведетъ, а не останавливаться, отказываясь слѣдовать за нимъ. Мы не должны подходить къ нему съ насмѣшкой и открывать его книгу съ заранѣе составленнымъ мнѣніемъ, что она намъ не понравится. Мы не должны свои особые взгляды на жизнь и свои предразсудки ставить между собой и авторомъ, чье перо своей властью можетъ научить насъ чему-нибудь новому, а главное, мы должны цѣнить, а не бранить. Нѣтъ ничего легче, какъ находить чужія ошибки; самый ограниченный умъ можетъ заняться этимъ съ успѣхомъ. Самый грязный уличный мальчишка можетъ зайти въ Британскій музей и найти погрѣшности въ изображеніи Аѳины-Паллады, но отъ этого красота Аѳины-Паллады не измѣнится. Способность цѣнить искусство это свидѣтельство хорошаго характера. У кого характеръ веселый и добродушный, тотъ способенъ къ теплой, даже восторженной оцѣнкѣ; наоборотъ, порицанье это въ самомъ лучшемъ случаѣ проявленіе угрюмаго, скорбящаго духа. Порицаніе въ одномъ ведетъ къ порицанію въ другомъ, и порицающій все, вскорѣ начинаетъ порицать Создателя и проклинать день своего рожденія, вопрошая, зачѣмъ вообще онъ появился на свѣтъ. И на этотъ вопросъ онъ найдетъ отвѣтъ только тогда, когда характеръ его измѣнится и онъ начнетъ цѣнить. Тогда, и только тогда выяснится для него свѣтлая сторона жизни и ея значеніе.

Разумѣется, когда главною привлекательностью книгъ и газетъ являются вульгарность, грубость, скверныя слова или порнографическія описанія, то необходимо порицать это злоупотребленіе властью пера. Это злоупотребленіе распознается очень легко; это клеветническія замѣтки, личные намеки, описанія всевозможныхъ скандаловъ; но авторовъ этихъ вещей мы не называемъ не только писателями, но даже журналистами; они стоятъ на одномъ уровнѣ съ анонимными авторами грязныхъ писемъ и доносовъ, которыхъ всѣ слои общества одинаково признаютъ заслуживающими лишь презрѣнія. И эти люди властью пера не обладаютъ, такъ какъ вся сила ихъ въ слабости.

Я уже сказала, что власть пера считаю величайшею властью въ мірѣ, какъ на добро, такъ и на зло. И я могу добавить, что нигдѣ не проявляется эта власть такъ наглядно, какъ въ прессѣ. Современная пресса совсѣмъ нелитературна и далеко не отличается классической чистотой языка и блестящимъ стилемъ, но въ дни Вальтеръ Скотта и Байрона пресса была литературна и, какъ естественное послѣдствіе, имѣла большое вліяніе на успѣхъ или неудачу выпускаемыхъ книгъ. Это вліяніе прекратилось. Въ наше время пресса вліяетъ не на книги, а на государства.

Народное образованіе, уже много лѣтъ упорно развивающееся и растущее, научило публику очень быстро составлять свое мнѣніе о книгахъ; публика беретъ то, что считаетъ лучшимъ, а отъ остального отказывается, и пресса не въ состояніи ни убѣдить, ни разубѣдить ее. Такъ что въ наши дни у писателя больше затрудненій и отвѣтственности, чѣмъ въ былое время; ему приходится самостоятельно пробивать себѣ путь и у него больше конкурентовъ и больше читате-

тельныхъ успѣховъ, какъ хирургія. Въ новѣйшее время берлинскимъ проф. докторомъ Жакомъ-Жозефомъ произведенъ рядъ „косметическихъ" операцій, давшій прямо изумительные результаты. Дѣло идетъ объ исправленіи некрасивыхъ формъ носа.

Для успѣшнаго исхода этой операціи необходимы два условія. Во первыхъ, операція должна быть безвредна для организма а, во-вторыхъ, оперируемая часть должна пріобрѣсти наиболѣе правильную форму. Соблюденіе обоихъ условій, разумѣется, всецѣло зависитъ отъ искусства и знаній врача. Въ исправленіи, обыкновенно, нуждаются огромные, безформенные, кривые и т. п. носы, и операція можетъ состоять въ укороченіи носа, уменьшеніи ноздрей, выпрямленіи и т. п.

Сначала д-ръ Жозефъ обнажаетъ данную часть носа отъ наружнаго покрова, а затѣмъ удаляетъ черезъ этотъ разрѣзъ все, что подлежитъ „изъятію". Наружная рана тщательно зашивается тончайшими иголками и залѣчивается почти безъ рубцованія; самое большое, что на этомъ мѣстѣ остается тонкая бѣлая черточка. Но и эти ничтожные слѣды операціи теперь почти всегда уничтожаются. За послѣднее время д-ръ Жозефъ дошелъ до такого совершенства, что обходится безъ всякаго шва. Это производится съ помощью особаго инструмента, которымъ оперируемыя части удаляются извнутри носа, не разрывая кожныхъ покрововъ. Техника весьма тонкая, требующая, можно сказать, тригонометрическихъ вычисленій и измѣреній. Надо замѣтить, что эту сложную операцію можно сдѣлать, не прибѣгая къ опасному для многихъ паціентовъ наркозу. Благодаря дѣйствію веществъ, уничтожающихъ мѣстную чувствительность, оперируемые не испытываютъ, тѣмъ не менѣе, никакой боли. Періодъ выздоровленія длился не болѣе двухъ недѣль.

ТЕЛЕГРАММЫ.

(Россійскаго Телеграфнаго Агентства).

Получены 2 ноября въ 8 час. вечера.

ПЕТЕРБУРГЪ. Высочайшимъ указомъ всемилостивѣйше повелѣно быть окружному интенданту московскаго военнаго округа генералъ-лейтенанту Бухольцу помощникомъ главнаго интенданта военнаго министерства, причисленному къ министерству внутреннихъ дѣлъ князю Урусову—товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и причисленному къ министерству Императорскаго Двора гофмейстеру графу Толстому—министромъ народнаго просвѣщенія.

— Пожалованъ орденъ „Святого Александра Невскаго" члену государственнаго совѣта и Александровскаго комитета о раненыхъ генералъ-инспектору Гриппенбергу.

— Назначенъ непремѣнный членъ орловскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія Жедринскій—вологодскимъ вице-губернаторомъ.

— Въ газетахъ напечатана резолюція экстреннаго собранія рабочихъ депутатовъ, объявляющая общую политическую забастовку, въ 12 часовъ дня, сегодня, 2 ноября.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ. 1 ноября. Генералъ-губернаторъ князь Оболенскій вернулся въ генералъ-губернаторскій домъ. Прибывшая сюда, на время генеральной забастовки изъ Кронштадта, эскадра вышла въ море.

БѢЛОСТОКЪ. 1 ноября. Временный генералъ-губернаторъ освободилъ арестованныхъ за нарушеніе обязательныхъ постановленій десять политическихъ заключенныхъ, не подлежащихъ освобожденію въ силу амнистіи, которые разгромили камеры, разобрали двѣ каменныя стѣны, печи, окна съ рамами и объявили голодовку.

КУРСКЪ. 1 ноября. Первые два дня засѣданія епархіальнаго съѣзда прошли. Съ большимъ интересомъ выслушанъ докладъ съ историческимъ описаніемъ округовъ древней церкви, выражено пожеланіе о раздѣленіи русской церкви на семь округовъ; признано необходимымъ возстановленіе церковнаго управленія на каноническихъ началахъ, при чемъ церковь должна быть самостоятельна; патріархъ и члены синода избираются синодомъ.

ЛОНДОНЪ. 1 ноября. Вновь состоялось большое собраніе по поводу еврейскихъ погромовъ въ Россіи. Чемберленъ высказываетъ свое соболѣзнованіе по случаю избіенія евреевъ и выражаетъ готовность оказать всевозможную поддержку съ цѣлью облегчить ихъ страданія и разрѣшить вопросъ, который въ настоящей его формѣ является опасностію для европейской цивилизаціи. Чемберленъ охотно обѣщаетъ воспользоваться своимъ вліяніемъ и способствовать устройству еврейской колоніи въ Восточной Африкѣ или другой части британской имперіи.

ПОЛОЦКЪ. 1 ноября. Забастовки продолжаются. Въ городѣ спокойно, на улицахъ обычное движеніе.

СОФІЯ. 1 ноября. Въ народномъ собраніи идутъ пренія по поводу предложенія правительства утвердить торги на постройку желѣзной дороги Тырново-Травна-Балаканы и Радомиръ-Кюстендилъ-Турецкая граница.

КУТАИСЪ. 1 ноября. Распоряженіемъ намѣстника посылка войскъ въ Гурію пріостановлена. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ число убитыхъ казаковъ значительно меньше, чѣмъ раньше предполагали.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. 1 ноября. Послы шести великихъ державъ приняли редакцію ультиматума, который будетъ переданъ Портѣ, прежде чѣмъ международная эскадра, уже сосредоточенная въ Піреѣ, произведетъ демонстрацію съ цѣлью принудить Порту дать согласіе на введеніе финансоваго контроля въ Македоніи.

ПЕТЕРБУРГЪ. Наборщики присоединились къ общей забастовкѣ. Вечернія газеты сегодня не выйдутъ.

Получены 3 ноября въ 8 час. утра.

САРАТОВЪ. 2 ноября. На станціи Романовка рязанско-уральской жел. дор. крестьяне разобрали находившійся для отправки хлѣбъ и увезли его на подводахъ.

ПЯТИГОРСКЪ. 2 ноября. На добровольныя пожертвованія организованъ комитетъ самообороны.

ВАРШАВА. 2 ноября. Ночью скончался архіепископъ варшавскій Іеронимъ.

КАЗАНЬ. 2 ноября. Съ соизволенія и благословенія архіерея выпущены обширныя воззванія духовныхъ пастырей, указывающія, что самоуправство и насиліе есть посрамленіе вѣры Христовой и забвеніе великой заповѣди Іисуса Христа—любить другъ друга. Въ воззваніи, между прочимъ, сказано: „Не огорчайте своего Государя и безъ того, много страдавшаго душою отъ кровопролитій и разныхъ нестроеній. Не нарушайте самоуправствомъ Воли Царской".

УФА. 2 ноября. Образовалось патріотическое общество для поддержанія Самодержавной Власти Царя и недѣлимости отечества.

ВЛАДИВОСТОКЪ. 31 октября. Безпорядки происходили на почвѣ неудовольствія запасныхъ при толкованіи манифеста.

БЕРЛИНЪ. 2 ноября. Попытки выпустить на берлинскую биржу русскія цѣнности, чѣмъ вызвать пониженіе, потерпѣли полную неудачу. Появилось безусловное довѣріе къ здоровому состоянію русскихъ финансовъ. Единственно побѣда радикализма или реакціи могутъ вызвать перемѣну въ этомъ отношеніи. По мнѣнію здѣшнихъ освѣдомленныхъ руководящихъ круговъ, успѣхъ реформъ графа Витте означаетъ сохраненіе мирового рынка для русскихъ цѣнностей.

МОСКВА. 2 ноября. Въ ознаменованіе манифеста 17 октября, городское кредитное общество ассигновало шестьдесятъ тысячъ рублей на воспитаніе дѣтей своихъ низшихъ служащихъ. На бывшихъ въ волоколамскомъ уѣздѣ крестьянскихъ митингахъ рѣшено прекратить взносы выкупныхъ платежей.

БАХМУТЪ. 2 ноября. Судебный слѣдователь бахмутскаго уѣзда произвелъ слѣдствіе о происходившихъ въ Бахмутѣ безпорядкахъ и проситъ лицъ, имѣющихъ какія либо свѣдѣнія, сообщать ему таковыя словесно или письменно.

ВѢНА. 2 ноября. Газета «N. Fr. Pr.» сообщаетъ что въ случаѣ, если переданная сегодня султану нота великихъ державъ не будетъ имѣть успѣха, державы рѣшили собрать предназначенный для демонстраціи международный флотъ въ Безикской бухтѣ около острова Тенедоса. Послѣдняя будетъ служить базисомъ для предположенной торговой блокады Дарданеллъ.

Театръ и музыка.

„Послѣдняя Воля".

Въ четвергъ 3 ноября въ городскомъ театрѣ, подъ управленіемъ М. Н. Нечай, будетъ поставлена пьеса Немировича Данченко „Послѣдняя воля", пьеса эта пользуется громаднымъ успѣхомъ и смотрится съ удовольствіемъ.

Вотъ краткій сюжетъ этой пьесы.

Добрая по натурѣ, но взбалмошная великосвѣтская барынька Юлія Павловна Вышневодская, смотрящая на жизнь, какъ на непрерывный пиръ, бросаетъ мужа-помѣщика Бориса Николаевича,—послѣдній сходится съ дочерью своего бывшаго управляющаго Пелагеей Череда и, умирая, оставляетъ все свое состояніе прижитому съ ней ребенку. Законная жена пріѣзжаетъ въ имѣніе за полученіемъ наслѣдства и желаетъ оспаривать завѣщаніе. Въ этомъ ей помогаетъ братъ покойнаго Леонтій Вышневодскій, который въ послѣдствіи отказывается отъ этой мысли. Леонтій Вышневодскій старый баринъ идеалистъ 60 годовъ, но человѣкъ слабый и поддающійся вліянію пошлости окружающихъ его буржуа. Нося въ душѣ свѣтлые идеалы 60 годовъ, онъ въ тоже время никакъ не можетъ примирить въ своей душѣ „что состояніе Вышневодскихъ можетъ перейти къ ребенку, у котораго нѣтъ даже имени". Побѣжденный чистой, кристальной душой Пелагеи Череда, ея безкорыстной привязанностью къ покойному; „Возьмите все—не нужно мнѣ наслѣдства, а могилки покойнаго не отдамъ".

Интересна параллель между свѣтлыми людьми 60 годовъ (Леонтій Вышневодскій) подавленными сословными предразсудками и людьми послѣдней формаціи (земскій врачъ Таропецъ).

Кромѣ указанныхъ лицъ въ пьесѣ масса живыхъ выпуклыхъ типовъ, очерченныхъ сочными красками. (Управляющій Хлыстиковъ, его жена Ольга Фроловна и др.). Написана пьеса сценично и легко смотрится.

Въ пятницу 4-го ноября тамъ-же въ городскомъ театрѣ, будетъ поставлена пьеса Карпова „Рабочая слободка", изображающая бытъ рабочихъ, пьеса эта должна сойти хорошо.

Послѣдніе дни бюрократіи.

— Иванъ Степановичъ! Вы бы двинули это дѣло Хлѣбникова, которое у васъ въ столѣ!... Все-таки оно какъ-то неловко: дѣло тянется десятый годъ, а на-дняхъ поступило пятое подтвержденіе отъ департамента неупустительныхъ распоряженій, который еще десять лѣтъ тому назадъ просилъ насъ сообщить ему наше заключеніе по этому дѣлу въ возможно скоромъ времени...

— Вы сами знаете, Петръ Григорьевичъ, что по дѣлу Хлѣбникова мы запросили мнѣнія всѣхъ подвѣдомственныхъ намъ провинціальныхъ учрежденій и что это дѣло разрослось въ пять толстѣйшихъ томовъ.

— Все это такъ, голубчикъ. Все это я и самъ отлично понимаю... Но вы знаете, какія теперь времена.

— Вотъ поэтому-то и не хочется приниматься за такое толстое дѣло... Можетъ быть нашему департаменту и существовать-то осталось всего какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ, такъ стоитъ-ли и приниматься за сложныя дѣла? Вообще, работа теперь совсѣмъ на умъ не идетъ... Вы замѣтьте, всѣ чиновники только разговариваютъ да курятъ папиросы... Одна только и отрада, какъ двадцатое число подходитъ: все-таки въ этотъ день какъ-то легче чувствуется на душѣ...

* * *

— Надо-бы намъ, Сергѣй Владиміровичъ, созвать нашихъ чиновниковъ на митингъ...

— Такъ-ли я понялъ, ваше превосходительство?

— Такъ, такъ, совершенно такъ!... Я говорю именно о митингѣ...

— Но вѣдь, вы, ваше превосходительство, были противъ участія чиновниковъ нашего вѣдомства на митингахъ...

— Митингъ митингу рознь.. Мы соберемъ митингъ чиновниковъ въ помѣщеніи канцеляріи и подъ моимъ личнымъ предсѣдательствомъ. Я самъ буду руководить преніями.. И постараюсь, чтобы митингъ вынесъ резолюцію, которая была-бы пріятна въ высшихъ сферахъ... Такимъ образомъ, мы, съ одной стороны, удовлетворимъ общественныя стремленія и чиновниковъ и ихъ законныя стремленія къ утвержденному правительствомъ либерализму, а съ другой стороны, не поколебавъ основъ, удостоимся благодарностей и со стороны высшаго начальства.. Кстати предупредите и чиновниковъ, что послѣ этого митинга я займусь распредѣленіемъ пособій изъ остаточныхъ суммъ...

* * *

— Ну, что скажете, Евлампій Христофоровичъ, о современномъ освободительномъ движеніи?

— Да, что сказать! . Пожалуй, это даже и недурно... Потому что движеніе по службѣ откроется...

— То есть, почему-же это?

— Потому что многіе чиновники начнутъ выходить въ отставку, чтобы заблаговременно заручиться хорошей пенсіей.. Опять-же и воздухъ въ канцеляріи будетъ чище..

— Въ иносказательномъ смыслѣ слова!

— Нѣтъ, въ самомъ буквальномъ... Потому что всѣ причисленные изъ директорскихъ племянниковъ будутъ, несомнѣнно, уволены... Но, съ другой стороны, предвижу значительное увеличеніе работы...

— А это по какой причинѣ?

— Навѣрное, придется очень много новыхъ циркуляровъ писать... Вѣдь, всѣ старые циркуляры пойдутъ на смарку,—значитъ, потребуются новые циркуляры...

— Но зачѣмъ-же непремѣнно циркуляры!

— А какъ-же безъ циркуляровъ?!... Безъ циркуляровъ совершенно невозможно!.. Безъ циркуляровъ ни одинъ законъ примѣнять невозможно!... Такъ какъ законъ всегда бываетъ краток и неясенъ... А для истолкованія онаго издаются циркуляры...

* * *

— Побойтесь Бога, Алексѣй Матвѣевичъ!.. Этакія деньги хотите получить!.. Прежде, бывало, въ десять разъ меньше брали за такія дѣла, которыя гораздо труднѣе...

— То прежде, а то теперь!.. Теперь гораздо труднѣе дѣйствовать... Опять-же и то надо принять во вниманіе, что и дѣйствовать-то намъ осталось, можетъ быть недолго, такъ какъ-же не брать на прощаньѣ!..

Діогенъ.

Редакторъ **Н. Озеровъ**

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

За 2 ноября.

ПРИБЫВШІЕ ВЪ ГОР. МОГИЛЕВЪ. Изъ им. Забродья горецк. у. помѣщ. Ѳ. К. Глинка, изъ им. Усти орш. у. двор. Н. Н. Курчъ, изъ г. Вильны поруч. 162-го ахалц. п. В. А. Бончъ-Брусвичъ, изъ г. Москвы жена колл. асс. Л. В. Казаринова, изъ им. Черноусъ двор. Г. С. Мацкевицъ.

ВЫБЫВШІЕ ИЗЪ ГОР. МОГИЛЕВА. Въ г. Оршу крест. Г. С. Шкендеръ, въ г. Сѣнно мѣщ. А. Ф. Слаский, въ им. Романова горецк. у. отст. лейт. Н. Н. Герстфельдъ, въ Жлобинъ предсѣдатель воен. суда ген. маіоръ В. Н. Иваненко, въ С.-Петербургъ чин. особ. поруч. мин. фин. надсов. В. П. Моровьевъ, въ им. Новоселки конторщ. С. М. Марчель, въ С.-Петербургъ чинов. мин. фин. Е. Е. Родіоновъ, въ им. Чигринку двор. М. А. Броновскій.

лей, чѣмъ прежде, а пресса не можетъ ему помочь.

Пресса можетъ рекомендовать любую книгу и кричать о ней сколько угодно, но въ послѣднее время немало было доказательствъ тому, что публика не обращаетъ вниманія на эти рекомендаціи. Иногда даже расхваливанія печати и отвращаютъ читателей отъ книги: они думаютъ, что все это устроено пріятелями автора, и такія предположенія большей частью оказываются основательными. Публика спокойно и молчаливо доказываетъ, что она способна сама выбирать себѣ книги по вкусу, безъ посторонней помощи или указки; поэтому и пресса предоставляетъ книгамъ и авторамъ самимъ заботиться о себѣ и переходитъ къ другимъ занятіямъ. Націи, народы, правительства—вотъ тѣ мячи, которыми она теперь ежедневно жонглируетъ въ борьбѣ изъ-за газетнаго рынка, и я надѣюсь, что мои слова не перетолкуютъ въ дурную сторону, если я скажу, что это занятіе довольно опасное. Вѣдь какъ бы могущественна пресса ни была, она все-таки не народъ.

Она не болѣе какъ печатное выраженіе нѣкоторыхъ редакторовъ и ихъ редакціоннаго штата; народъ остается внѣ прессы и въ сторонѣ отъ нея, и если въ прессѣ кто-нибудь оскорбитъ какого-нибудь монарха или какую-нибудь націю, это не надо принимать за оскорбленіе, нанесенное народомъ, это просто оскорбленіе, напечатанное съ разрѣшенія извѣстнаго редактора въ извѣстномъ изданіи, находящемся въ его завѣдываніи, не больше.

Очень досадно, напримѣръ, что часть бульварной прессы въ Парижѣ признается какъ бы выразительницею мнѣній французскаго народа. Когда безотвѣтственныя и легкомысленныя газеты прибѣгаютъ къ клеветѣ для того, чтобы поддержать свою розничную продажу, то онѣ этимъ доказываютъ, что пишущіе въ нихъ бумагомараки недостойны ввѣренной имъ власти пера. Только Богомъ покинутое существо можетъ зарабатывать себѣ жизнь клеветой, такое существо не заслуживаетъ званія писателя, возбуждаетъ презрѣніе и не стоитъ того, чтобы на него обращалъ вниманіе великій народъ.

Какъ писательница и любительница отечественной литературы, я очень дорожу честью и достоинствомъ британской прессы и не могу не выразить своего негодованія по поводу обмѣна злостныхъ замѣчаній и намековъ между англійскими и иностранными журналистами въ ихъ изданіяхъ. Еще Бисмаркъ сказалъ: «За окна, разбитыя нашей прессой, платить придется намъ». Бить окна, за которыя потомъ придется расплачиваться народу своими страданіями, значитъ злоупотреблять властью пера. Если Франція или Германія насмѣхаются надъ нами и перетолковываютъ наши намѣренія, я не вижу необходимости отвѣчать имъ той же монетой. Такъ поступаютъ только школьники. Пресса такой имперіи, какъ Великобританія, должна быть великодушна и благородна, она слишкомъ велика, чтобы бросаться камнями въ отвѣтъ на камни, бросаемые въ нее ея младшими братьями.

На такую тему, какъ власть пера, можно говорить и писать безъ конца, такъ какъ эта тема неистощима. Она можетъ быть направлена на добро или на зло, какъ выше сказано, но писатель нарушаетъ свою обязанность, если не направляетъ эту власть всегда, неукоснительно и честно на одно только добро. Перо своей властью должно бы безошибочно отличать добро отъ зла, а не смѣшивать ихъ такъ, что читатель не въ состояніи разобраться. Въ романахъ и пьесахъ съ такъ называемымъ направленіемъ авторы до такой степени перепутываютъ все, что порокъ представляется добродѣтелью, а добродѣтель—порокомъ. Это значитъ власть пера употреблять для дурной цѣли. Когда же писатель пользуется властью своего пера для проповѣди атеизма или матерьялизма, перо его превращается въ убійственное орудіе величайшаго зла. И кто бы ни злоупотреблялъ властью пера въ этомъ направленіи, ему придется отвѣчать передъ Высшимъ судомъ за несчастье, жестокости и злобу, вызванныя имъ на землѣ.

СПИСОКЪ

нижнихъ чиновъ убитыхъ, раненыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти въ дѣлахъ съ японцами.

№ роты, сотни, эскадрона.	Званіе.	Фамилія, имя, отчество.	Какой волости, села, станицы или деревни.	Раненъ, убитъ, умеръ или безъ вѣсти пропалъ.	Гдѣ, когда, въ какомъ сраженіи.
Могилевской губерніи.					
3-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.					
8	Стр.	Кондратеновъ Федоръ, холостъ.	Оршанскаго. Ново-Тухинской в., д. Нов. Земля.	убитъ.	17—18 августа подъ Ляояномъ.
1	Стр.	Алексѣевъ Епифанъ, холостъ.	Сѣнненскаго. Лукомльской в., д. Чила.	раненъ.	17—18 августа подъ Ляояномъ.
2	М. у. о.	Шитько Демьянъ, холостъ.	Гомельскаго. Дятловичской в., д. Федоровки.	раненъ.	17—18 августа подъ Ляояномъ.
2	Стр.	Бѣляевъ Кузьма, холостъ.	Горецкаго. Савской в., д. Золовцевъ.	раненъ.	17—18 августа подъ Ляояномъ.
2	Стр.	Никифоровъ Софронъ, холостъ.	Горецкаго. Маслаковской в., д. Турдаевы.	раненъ.	17—18 августа подъ Ляояномъ.
5	С. у. о.	Смолякъ 1-й Степанъ, холостъ.	Могилевскаго. Тетеринской в., д. Глубокой.	раненъ.	17—18 августа подъ Ляояномъ.
5	Стр.	Кредисавъ Емельянъ, холостъ.	Мстиславскаго Пирянской в., д. Манюкино.	раненъ.	17—18 августа подъ Ляояномъ.
6	Стр.	Титковъ Захаръ, холостъ.	Гомельскаго. Дятловичской в., д. Михолькова.	раненъ.	17—18 августа подъ Ляояномъ.
	Ефр.	Филипцовъ Николай, холостъ.	Сѣнненскаго. Мошканской в., д. Щалки.	раненъ.	17—18 августа подъ Ляояномъ.
2	Стр.	Праборщовъ Григорій, холостъ.	Быховскаго. Городецкой в.	раненъ.	Съ 27 по 30 сент. на [illegible]
3	Стр.	Ермоленко Михаилъ, холостъ.	Гомельскаго. Руденецкой в., с. Рудонца.	раненъ.	Съ 27 по 30 сент. на [illegible]
3	Стр.	Кахновскій Петръ, холостъ.	Горецкаго. Дубровенской в., м. Дубровны.	раненъ.	Съ 27 по 30 сент. на [illegible]
8	Стр.	Симонцовъ Аврамъ.	Гомельскаго. Вылевской в., с. Дубовск. Лога.	раненъ.	Съ 27 по 30 сент. на [illegible]

Этотъ номеръ отданъ на почту и разносчикамъ 3 ноября въ 2 ч. дня.

Дозволено цензурою 2 ноября, 1905 г.

Типографія Губ. Правленія гор. Могилевъ губ.